

Сериал
"Бизнесмены"

наталья НИКОЛЬСКАЯ

Наталья Никольская
Не наше дело
Серия «Близнецы»

*Публикуется с разрешения правообладателя: "Литературного
агентства «Научная книга»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168688*

Аннотация

Детектив из серии «Близнецы» Натальи Никольской

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

НАТАЛЬЯ НИКОЛЬСКАЯ

НЕ НАШЕ ДЕЛО

ГЛАВА ПЕРВАЯ (ПОЛИНА)

Блин, как же меня достала Ольга в последнее время, это просто уму непостижимо! Как можно быть такой бестолковой? Это же надо додуматься – взять и растратить Кирилловы деньги непонятно на что!

Ольга там лепетала что-то в свое оправдание, но я не особо вдавалась в смысл. Мне было ясно только одно – у человека явно поехала крыша. Нет, видимо, правду говорят – горбатого могила исправит.

Ольга – это моя младшая сестра. На самом деле мы с ней близнецы, но так как я появилась на свет на одну минуту раньше, то имею все основания считать себя старшей. К тому же судьба распорядилась так, что мне и по характеру предстоит быть старшей.

То есть я человек очень разумный, твердо стоящий на ногах и имеющий трезвую голову. Я всегда знаю, чего я хочу, кроме того, мне хорошо знакомо слово «надо». Я уверена в себе и всегда достигаю намеченных цел 2е 0й. 2И 0 вообще

человек самостоятельный.

А вот Ольга...

Ольгу я, конечно, очень люблю, может быть, больше всех людей на свете. Да и она меня. Но вот некоторые черты ее характера меня иногда просто бесят. В сущности, Ольга, несмотря на свой двадцатидевятилетний возраст, так и осталась ребенком. И боюсь, что останется им на всю жизнь.

Она совершенно беспомощна, неприспособлена к жизни и голову имеет, мягко говоря, не совсем трезвую. Часто в прямом смысле. Так что без старшей сестры она просто погибла бы. Это ясно всем, в том числе и самой Ольге, хотя она и не признается в этом.

Я удивляюсь, как она еще справляется со своими детьми, которых у нее двое, Артур и Лизонька. Правда, она частенько подкидывает их то мне, то бабушке, то Ираиде Сергеевне. Ираида Сергеевна – это наша мама, тоже, кстати, отдельная тема.

Но сейчас мне не хочется говорить об Ираиде Сергеевне, а то я еще сильнее начну злиться. Иногда мне кажется, что Ольга пошла характером именно в нее, и тогда моя злость на мать усиливается.

А вот я... Я вообще неизвестно в кого пошла характером. Явно не в Ираиду Сергеевну, но и не в отца, которого за последние двадцать пять лет видела от силы раза полтора.

Андрей Витальевич Снегирев бросил нас очень давно, перебравшись в Москву делать карьеру тележурналиста. Сво-

им вниманием он нас не баловал, собственно, как и мы его. Я не держала зла на отца, каждый живет так, как он устроен, но и не старалась с ним сблизиться. Тем более, что в моем возрасте это уже и не нужно.

Так вот, в последнее время Ольгины глупости перешли все разумные границы, и она умудрилась вывести меня до такой степени, что я просто прекратила с ней всякое общение, не в силах больше этого выносить.

Вот и пусть посидит теперь одна, без денег, и подумает над своим поведением. А я из принципа не стану ей помогать и даже не поеду к ней. Все, хватит! Иначе она просто превратится в иждивенку.

Я загнала свой «Ниссан» в гараж и решительным шагом направилась в подъезд. Войдя в квартиру, я заметила какой-то подозрительный шорох сзади и инстинктивно обернулась. К двери метнулась какая-то тень. Будучи тренированным человеком, спортсменкой со стажем, я молниеносно подставила тени подножку, и она растянулась на полу, ударившись головой об угол.

«Тень» лежала и не подавала признаков жизни. Кулаки ее были судорожно сжаты. Я разжала правый и увидела там свой золотой перстень.

Тенью оказался совсем молодой парень, высокий и тощий. В этот летний день он был в рубашке с коротким рукавом, и я могла наблюдать его вены, сплошь покрытые синими точками.

Все понятно, ко мне забрался вор-наркоман. Пока он лежал, я вывернула его карманы и вынула из них деньги, которые этот отморозок стянул из моей шкатулки.

Убедившись, что больше ничего из моих вещей у него нет, я грубо пнула парня и сказала ему:

– Эй ты, а ну давай вставай! Разлегся! Тут тебе не пляж!

Парень не шевельнулся. Ага, в «лежачего не бьют» решил поиграть? Сейчас я тебе покажу, что тоже умею играть не по правилам. Разозлившись на него окончательно, я еще сильнее пнула его в бок. Он не отреагировал.

Мне показалось подозрительным, что парень не издал ни единого звука. Он даже не пикнул, хотя удар был достаточно силен.

Встревожившись, я перевернула его на спину. Тело парня было безжизненно-слабым и обмякшим. Пустые глаза бесмысленно смотрели в потолок. С ужасом я поняла, что парень мертв. Еще на что-то надеясь, я схватила его руку и пощупала пульс. Пульса не было.

Медленно повернувшись, я на ватных ногах пошла к телефону, а в голове у меня билась одна мысль: я убила человека...

В первую очередь позвонив своему бывшему мужу Жоре Овсянникову, который работал старшим следователем УВД, я тихо, но четко рассказала ему о случившемся. Жора, по моему, решил, что я не в себе, но заявил, что выезжает немедленно.

– Спасибо, – ответила я телефонным гудкам и опустилась на диван.

Машинально достав из кармана олимпийки пачку сигарет, я выбила одну и прикурила. С жадностью затягиваясь, я тупо смотрела перед собой и ничего не соображала. В данный момент меня совсем не интересовало, что со мной будет дальше, просто пыталась привыкнуть к мысли – я убила человека.

Протяжной трелью залился звонок, я встала и прошаркала в коридор, не обращая внимания на то, что пепел падает на пол.

Увидев лежащее на полу тело, я невольно вздрогнула и остановилась. Потом осторожно обошла его и боком пробралась к двери. Открыв ее, я увидела встревоженное лицо майора Овсянникова.

– Поля, – тут же сказал он, хватая меня за руки. – Ты в порядке?

– В порядке, – тихо ответила я. – Только кое-кто уже не в порядке. Проходи, Жора.

Жора вошел в коридор и невольно отпрянул при виде тела. Видимо, он до последнего думал, что это какое-то недоразумение.

– Полина, как это случилось? – спросил он, поворачиваясь ко мне.

Я все честно рассказала.

– Так, так, не волнуйся, дорогая, – говорил Жора, глядя

меня по руке. – Еще пока рано волноваться, все будет хорошо.

Жора изо всех сил старался меня успокоить, хотя по его выражению лица я видела, что он взволнован не меньше меня. Даже, пожалуй, больше, потому что я в этот момент ощущала лишь какую-то вялую тупость.

Жора вызвал «скорую» и опергруппу. Какие-то люди наполнили мою квартиру, они задавали мне вопросы, смысл которых с трудом доходил до меня, но я как-то умудрялась на них отвечать, потом вдруг осознала, что сижу с ногами на диване, с сигаретой в одной руке и чашкой кофе в другой. Рядом сгорбившись сидел Овсянников.

– Полина, не волнуйся, – снова заговорил он, увидев, что я немного ожила. – Все будет в порядке, это была обычная самооборона. Тебе ничего не будет, я обещаю.

– Жора, я убила человека... – медленно произнесла я. – Ты понимаешь, что это такое?

Майору Овсянникову за свою жизнь приходилось несколько раз убивать людей, и он, без сомнения, знал, что это такое. Но со мной это случилось впервые, и ощущения я испытывала, мягко говоря, не из приятных.

– Поля, я все понимаю, но ты сейчас не должна забивать этим голову, поняла? Даже думать об этом не смей! Я поживу пока у тебя, помогу всем, чем смогу. Полина! Ну ты же у меня такая сильная, разумная, твердо стоящая на ногах!

Жора старался меня взбодрить, я понимала это и согласно

кивала, стуча пальцем по сигарете, непрерывно стряхивая с нее пепел.

Вздохнув, Жора встал, выдернул у меня сигарету и пошел в кухню. Вскоре он вернулся с пепельницей и с веником и принялся сметать пепел.

Я сидела как мумия. Жора управился с работой очень скоро, потом подсел ко мне и обнял за плечи.

– Милая, я все понимаю, – заговорил он. – В первый раз это воспринимается ужасно. Но давай рассуждать здраво: если бы не ты, то он мог убить тебя! Ты понимаешь это? Конечно, первое время тебе будет тяжело, но это пройдет, поверь мне. И все будет по-прежнему.

Умом я понимала все это, но одному богу известно, как у меня было мерзко на душе!

– Ладно, Жора, – я решила прекратить изводить Овсянникова, который, по-моему, был готов взять на себя смерть этого парня, лишь бы не видеть меня такой загруженной. – Все нормально. Я быстро справлюсь, ты же знаешь.

– Ну вот и отлично, – слегка облегченно вздохнул Жора и засуетился. – Давай-ка мы с тобой займемся домашними делами, а? Как в старые добрые времена?

Вообще-то в те времена, когда мы были женаты, которые Жора называл теперь «старыми и добрыми», я не помню, чтобы мы с ним совместно занимались домашними делами. Но сейчас я не стала напоминать ему об этом.

До вечера мы что-то готовили в кухне, потом смотрели

телевизор, разгадывали кроссворд... Спать я легла, очень сильно насытив свой организм снотворным, потому что была уверена, что без этого не смогу провалиться в спасительный сон.

На следующий день Овсянников встал очень рано и помчался на работу, предварительно велел мне сидеть дома и никуда не выходить. Но я отказалась, решив, что незачем так бездарно тратить рабочий день. Особенность моей нервной системы, в отличие от моей сестры Ольги, состоит в том, что сколько бы я ни переживала по какому-либо поводу, я не забываю за этим о делах. То есть жизнь моя не заканчивается, и я не могу сидеть дома, отгородившись от всего мира и забыв обо всем, полностью углубившись в свою проблему. А вот Ольга всегда поступает именно так, причем проблема чаще всего является плодом ее воображения. Так что я заставила себя выбросить все постороннее из головы и отправилась в спорткомплекс, в котором веду занятия по шейпингу. Только вот машину свою в тот день я брать не стала, на всякий случай.

В спорткомплексе никто не догадался, что вчера со мной произошло из ряда вон выходящее событие, и это меня еще более успокоило. Умеем владеть собой, Полина Андреевна, умеем, что и говорить. Никто никогда не поймет, что у вас на самом деле в душе творится. Что ж, это отлично!

Усилием воли я заставила себя не думать о событиях вчерашнего дня, пыталась переключиться на что-нибудь другое,

с особым усердием выполняла упражнения и беседовала с клиентками, стараясь полностью погрузиться в их проблемы. Нельзя сказать, чтобы я окончательно успокоилась, но все-таки дела помогли мне на время забыться. Однако все равно в подсознании постоянно билась одна мысль: что там?

Я несколько раз подходила к телефону, набирала Жорин номер и клала трубку, уверяя себя, что нет необходимости звонить первой, и если бы были новости, то Овсянников давно позвонил сам, не мучая меня неизвестностью.

Под вечер, так и не дождавшись звонка, я отправилась домой. Специально не стала садиться в троллейбус и тем более ловить такси, шла нарочно медленно, прогулочным шагом, обходя все попадающиеся мне по дороге магазины. Этот нехитрый обман сработал: когда я поднялась к себе, Жора уже сидел в зале и ждал меня. Я сразу заметила на его лице успокаивающую улыбку и внутри у меня что-то потеплело.

– Поленька, не волнуйся, – Жора тут же шагнул мне навстречу. – Все хорошо. Парень просто умер от сердечной недостаточности, ты тут совершенно ни при чем, и никто к тебе не предъявляет никаких претензий.

Дз-з-зинь...

Словно разжалась какая-то пружина внутри меня, сковывающая мою сущность последние сутки. Не в силах ничего сказать, я опустилась на диван и уронила голову на плечи. И тут вдруг плечи мои дернулись, раз, другой... И вот я уже не могла сдерживать себя, и огромные слезы облегчения просто

попились из глаз.

Жора сидел рядом, гладил меня по спине и шептал что-то, а у меня в сердце колотилось одно: все в порядке, все в порядке, я никого не убивала... И вместе со слезами спадало громадное напряжение, навалившееся на меня со вчерашнего дня. Только сейчас я почувствовала, как оно сжимало, стискивало меня своими железными клещами.

– Жора, это правда? – подняв мокрое лицо, спросила я, хотя и так знала, что правда.

– Конечно, милая, – с улыбкой ответил Овсянников. – Ну-ну, перестань. Теперь можно обо всем забыть.

Постепенно успокаиваясь, я затихла в Жориных руках, посидела так несколько минут и встала, направляясь в ванную.

Там я умылась холодной водой и сразу почувствовала себя свежее. Вернувшись в зал, я как ни в чем не бывало сказала:

– Давай-ка, Жора, ужинать.

Овсянников закивал головой, и мы отправились в кухню. Разогрев ужин, я разложила его по тарелкам, пододвинула к Жоре банку соленых грибов, зная, что он их обожает, и сама набросилась на еду. После пережитого стресса у меня вдруг резко разыгрался аппетит.

– Жора, – двигая набитым ртом, спросила я, – а что вообще представляет из себя этот парень?

– Ну Поленька, опять ты за свое! – немного укоряюще произнес Жора. – Зачем тебе это?

– Нет, нет, не волнуйся! – махнула я рукой. – Я абсолютно успокоилась. Просто мне интересно.

– Ну что, обычный, в общем-то, парень, двадцать три года, закончил какой-то техникум, но нигде не работал. Так, подвизался где придется.

– Как его звали?

– Сергей Суровцев.

– А жил он с кем?

– Жил с матерью. Отца у него нет, умер не так давно от рака.

– А сам он давно этим увлекается?

– Говорят, два года. Я потому все так подробно выяснял, что переволновался за тебя, сама понимаешь. Вот и узнавал все, что возможно. На момент смерти парень был сильно накачан наркотиками.

– Жора, это точно не передозировка?

– Да точно, врач же сказал. Смерть наступила от сердечной недостаточности. Сердце у парня слабенькое было, а тут еще стрессовая ситуация... – Жора запнулся и с тревогой посмотрел на меня.

– Та-а-ак, – протянула я. – Значит, если бы я не застала его у себя в квартире, он, может, и не умер бы, так?

– Господи, Поля! – поморщился Жора. – Ты опять начинаешь? Ну сколько тебе можно объяснять – ты тут совершенно ни при чем. Кто ему виноват, что он к тебе полез? Если бы не ты, так в другой раз он вляпался бы во что-то подобное.

Все равно конец один и тот же! Так что прекрати, пожалуйста, себя изводить!

Овсянников, будучи холериком, вышел из себя. Но я знала, что такие вспышки длятся у него недолго, и через пять минут он уже придет в свое обычное состояние.

– Я не извожу себя, Жора, – спокойно ответила я, когда Жора умолк и принялся вытирать платком вспотевший лоб. – Просто я хочу до конца разобраться в этой ситуации. Я чувствую вину перед этим парнем.

– Снова-здоровь! – воскликнул Овсянников, хлопая себя по коленкам. – И когда ты только утомимешься, Полина? И как ты вообще собираешься разбираться? В чем разбираться_то? Ведь парня никто не убивал! Надеюсь, ты не собираешься искать тех, кто сделал его наркоманом?

– Я еще не знаю, что буду делать, – призналась я. – Но мне нужно как-то искупить свою вину. И начну я с разговора с его родителями.

– Ты ненормальная! – вздохнул Овсянников. – Я всегда это говорил. Ввязываешься черт знает во что неизвестно зачем!

– Известно! – упрямо ответила я. – Это нужно мне самой. Я не собираюсь ничего расследовать, в сущности, и расследовать-то нечего. Просто мне нужно привести в порядок свое внутреннее самочувствие.

– Поступай как знаешь, – махнул рукой Жора. – Я же знаю, что тебя все равно не переубедишь, упрямая!

Жора нахмурился и ушел в зал. Там он улегся на диван с газетой и демонстративно не обращал на меня внимания. Я знала, что долго Овсянников не выдержит, поэтому не делала попытки к сближению. Еще полчаса-час – и общительный Жорик сам привяжется ко мне с разговором.

Так оно, можно сказать, и вышло. Мы поболтали о том-о сем, ни разу за вечер больше не вернувшись к разговору о Сергее Суровцеве, хотя оба прекрасно знали, что каждый остался при своем мнении.

Наутро я как ни в чем не бывало сказала Овсянникову: – Жора, дай мне адрес этого парня! И его родителей.

Жора отлично понял, о каком парне идет речь, но промолчал. Некоторое время он походил по квартире туда-сюда, потом все так же молча достал из кармана своего пиджака блокнот, выдернул из него чистый листочек и что-то на нем написал. Я быстро взяла его, поблагодарив Жору. Тот только плечами пожал.

В спорткомплекс мне в тот день нужно было ехать только после обеда, и я решила не тратить времени даром. Заведя «Ниссан», я отправилась к родителям Сергея.

Жили они в однокомнатной квартире на улице Чехова, что находилось довольно далеко от моего дома. На звонок открыла худенькая женщина с темными кругами под глазами. Выглядела она лет на шестьдесят, хотя, присмотревшись, я поняла, что ей на самом деле гораздо меньше. Видимо, она была убита известием о сыне.

Я вдруг почувствовала угрызения совести. Черт, совсем не подумала о том, что приперлась в довольно неподходящий момент! Ведь людям сейчас совершенно не до меня. К тому же к этому примешалось еще и какое-то чувство вины за смерть этого парня...

В самом деле, что я ей скажу? Что это ко мне залез ее сын, я его застала, потом врезала как следует... Материнская любовь все равно возьмет в ней верх над объективностью.

Ладно, все равно уже пришла. Попробую вести себя как можно мягче.

– Вы меня извините, пожалуйста, – вложив в свое обращение как можно больше вежливости, сказала я женщине. – Мне необходимо поговорить с вами насчет вашего сына...

– Ах, вы из милиции... – тихо ответила женщина. – Проходите, пожалуйста. К нам сейчас часто ходят.

Слава богу, мне не пришлось объяснять ей, кто я. Сама соврать в такой ситуации я вряд ли смогла бы.

Женщина провела меня в комнату и указала рукой на кресло. Я обратила внимание, что обстановкам в комнате была бедненькая, мебель была уже старенькая, потрепанная. Видимо, доход этой семьи был невысок. Да еще такое горе навалилось...

– Хотите чаю? – каким-то равнодушным голосом предложила женщина.

– Нет-нет, спасибо, – отказалась я. – Меня зовут Полина Андреевна.

– Суровцева Валентина Александровна, – все тем же ровным голосом представилась мать Сергея.

– Да-да... – я замялась, мысленно заставляя взять себя в руки и начать задавать нормальные, конкретные милицмейские вопросы. Но так как я сама не очень хорошо сознавала причины и цели своего визита сюда – вернее, причина-то была ясна, но вот цели... – то никак не могла сообразить, с чего начать.

– Расскажите мне о Сергее, – наконец, попросила я. – Как можно подробнее. Мне может все пригодиться.

На самом деле мне ничего не могло пригодиться из ее рассказа, но я понимала, что женщине легче будет разговаривать, если она начнет повествование с малозначащих деталей.

– Сережа всегда был непослушным мальчиком, – заговорила Валентина Александровна. – И в школе учился плохо, учителя на него жаловались. Отец ремнем порол – не помогало.

Она замолчала, вспоминая своего сына маленьким. Потом продолжила свой рассказ.

– На собрания меня все время вызывали, говорили, что плохо ведет он себя. Я разговаривала с ним, ругала, просила, он только молчал. У него это в характере было от рождения. Ну вот, а потом, как школу закончил, в техникум поступил. Я думала, может, наконец, за разум возьмется, ан нет. А тут еще отец умер, так он у меня совсем от рук отбился. Ничего слушать не хотел, грубил только все время. Деньги стал из

дома таскать. Я говорю, что ж ты делаешь, ведь нам и так жить не на что...

– Валентина Александровна, – воспользовавшись паузой, спросила я. – А вы замечали, что Сергей принимает наркотики?

– Да не сразу, – призналась она. – Откуда я знаю, что при этом появляется? В наше время такой гадости не было. Только стала замечать, что не такой он какой-то стал. То лежит часами, в стенку смотрит, то вдруг ни с того ни с сего какая-то бодрость в нем появляется, а то орать на меня начинает.

– А раньше он вам не грубил?

– Ну, особо ласковым он никогда не был, – махнула она рукой. – Но деньги раньше не воровал, и меня не обзывал. А тут вообще словно слетел, что называется, с катушек.

– Как же вы жили вместе?

– Ну, как, – пожала она плечами. – Ужасно, конечно, поэтому когда он ушел, я даже вздохнула с облегчением.

– Куда ушел? – удивилась я. – Разве он жил не с вами?

– Со мной сперва. Только потом с девкой какой-то познакомился, стал у нее пропадать. Она, по-моему, тоже дрянную этой кололась! – неприязненно сказала Валентина Александровна.

– А что за девчонка? Где она живет?

– Да я и не знаю, где. Знаю только, что шалава она, и больше никто. Я думаю, что это она сына моего к наркотикам

приучила!

– Почему вы так думаете? – осторожно спросила я.

– А кому же еще? – искренне удивилась Валентина Александровна.

Я еще раз поразились материнской необъективности. Собственно, к такому пора привыкнуть и воспринимать спокойно. Естественно, мать всегда защищает свое дитя. Родной сынок, что бы он ни натворил, никогда виноват не будет, всегда найдется кто-то, на кого можно перекинуть ответственность. Я ожидала примерно чего-то подобного, поэтому просто слушала, стараясь выцепить из рассказа Валентины Александровны хоть какое-то рациональное зерно.

– Валентина Александровна, а как зовут эту девушку? – спросила я, кивая в ответ на ее реплики в адрес этой особы.

– Да Ирка-шалава, как еще ее звать-то! – махнула она рукой. – Путалась тут со всеми подряд, все дворы ее знают!

– Так она где-то рядом живет, что ли? – спросила я.

– Да вроде рядом, она часто тут крутится. Вы спросите у кого-нибудь во дворе, вам скажут.

– Да-да, непременно. Скажите, а когда похороны? – я еще не знала, пойду ли я на них и нужно ли мне все это, но на всякий случай спросила.

– Послезавтра, – ответила Валентина Александровна. – Скорее бы уж... – она как-то спохватилась, произнесла эти слова, и тут же заговорила, оправдываясь:

– Нет-нет, вы не подумайте, что я побыстрее мечтаю сына

зарыть, просто устала я очень... Если бы вы знали только, что такое с наркоманом-сыном-то жить, прости Господи! Ох, не дай бог, вы не подумайте, что я вам такого желаю... — она приложила руки к груди.

— Да я понимаю, понимаю, — поспешила я ее успокоить. — Конечно, горе такое...

— Да не то слово! Ведь я ж его растила, мучилась, хотела, чтобы он человеком стал, чтобы радость приносил родителям на старости лет... — она всхлипнула.

Я встала и прошла в кухню. Достала с полочки стакан, наполнила водой и, вернувшись в комнату, протянула его Валентине Александровне.

Та машинально выпила воду, вытерла губы и села, подперев рукой подбородок.

— Вы знаете, — покачав головой, сказала она. — Может, это и звучит кошунственно, но у меня даже как будто облегчение на душе... Ужасно звучит, но я просто за последнее время устала так, что мне жить не хотелось. Вечные его ломки, кражи денег из дома, приезды милиции, жалобы соседей... Мне людям стыдно в глаза было смотреть! Сколько раз в больницу его клала, думала, что вылечится наконец — нет, все напрасно!

— Валентина Александровна, скажите, а с кем дружил ваш сын?

— В детстве были у него друзья, а теперь прощелыги одни, их и друзьями-то не назовешь! Ох, да сюда кто только

не шлялся! Среди ночи могли припереться запросто. Я и по именам-то их не знаю. Так, шваль всякая.

– Понятно, – я поблагодарила Валентину Александровну и встала. Делать мне здесь было больше нечего.

Выходя из квартиры Суровцевых, я подумала, что мне теперь нужно разыскать эту Иру и побеседовать с ней. После разговора с матерью Сергея я перестала испытывать какую бы то ни было симпатию к нему. И угрызения совести притихли. Теперь я считала своей задачей поговорить с Ирой, может быть, дать денег ей и Валентине Александровне, чтобы компенсировать, так сказать, ущерб (хотя какой, к черту, ущерб?! Ведь как бы цинично это ни звучало, но по сути дела, я избавила женщину от нахлебника, который не только не помогал ей ничем, но еще и тянул с нее). но раз уж я косвенно виновата в смерти близкого ей и Ире человека, то я передам им денег, может быть, даже не выдавая при этом, от кого они поступили, и на этом посчитаю свою миссию законченной. Все, нужно ставить точку в этом деле.

Выйдя на улицу, я увидела сидящих на лавочке бабулек и подошла к ним.

– Добрый день, – поприветствовала я их.

Бабульки закивали, с интересом глядя на меня.

– Скажите, пожалуйста, вы не знали Сергея Суровцева?

– Серегу-то? – тут же спросила одна из бабулек. – Как же его не знать? Сызмальства он тут жил. Только нет его больше. Отгулялся, голубчик, умер. Видать, бог наказал.

– Ох, не говорите так, Варвара Григорьевна, – возразила другая. – Какой бы ни был, а все ж человек. Жалко...

– Жалко! – возмутилась Варвара Григорьевна, – а Валентину не жалко? Женщина высохла вся с этим... Прости господи! – перекрестилась она.

Вторая старушка посмотрела на меня и спросила:

– А ты, дочка, откуда будешь-то?

– Из милиции, – бабушкам я могла врать легко.

– А-а-а... – протянула та понимающе. – А чего ж, расследуете, да? Так чего ж тут расследовать, и так ясно: от наркотиков своих умер.

– Там есть некоторые невыясненные обстоятельства, – проговорила я, дивясь про себя осведомленности бабулек. Ведь я сама только вчера вечером узнала причину смерти Сергея. Впрочем, бабки могли ничего и не узнавать, а просто сделать собственные выводы и быть абсолютно уверенными в их правильности. Наркоман? Наркоман! Значит, от наркотиков и умер. Все просто. – Одним словом, мне нужно узнать адрес девушки, с которой жил Сергей, – мне захотелось поскорее завершить общение.

– Да кто же ее знает, где она живет, – пожала плечами Варвара Григорьевна. – Крутилась тут, к нему ходила, да и не только к нему. А где живет, мы не знаем. Да она с нами и не разговаривала никогда.

– А у кого бы это можно узнать? – полюбопытствовала я. – Понимаете, мы не знаем даже ее фамилии.

– Да фамилию я знаю, – сказала вдруг собеседница Варвары Григорьевны и принялась пояснять:

– Я как-то на лавочке сидела, а она по двору идет. Идет – и словно не видит ничего вокруг. А тут Мишка Коробов ее окликает: «Ирка!» А она – ноль внимания. Он еще раз окликнул: «Ирка! Торбочкина!» Вот тут-то я фамилию ее и услышала.

– А потом он чего? – заинтересованно спросила Варвара Григорьевна.

– Да он догнал ее, за руку взял и повернул к себе. Тут только она и поняла, что ее окликают. Как пьяная шла.

Эти слова донеслись уже мне в спину. Услышав фамилию Иры, я тут же повернулась и чуть ли не бегом побежала к своей машине, сквозь зубы поблагодарив старушек за уделенное мне внимание.

Так, значит, Ира Торбочкина. Плохо, конечно, что я не знаю ее отчества – проще было бы найти адрес, – но и это уже хорошо. К тому же я примерно знаю ее возраст, да и Торбочкина – фамилия достаточно редкая. Попробую, во всяком случае. Не найду в адресном столе, тогда буду звонить Жоре. А так незачем его трепать по разным пустякам.

В адресном столе мне дали два адреса. Я сравнила их и выбрала тот, что был ближе к дому Суровцевых. Раз Ира часто крутилась там, значит, и жила где-то поблизости.

Вырулив на центральную улицу, я поехала к Ире.

Дом, в котором она жила, располагался на тенистой

небольшой улочке. Въехав во двор, я остановилась напротив старого двухэтажного дома. Дом был очень ветхий, его, конечно, давно пора было бы снести, но пока он стоял, и люди даже умудрялись жить в нем. Хотя как, я себе очень смутно представляла.

Поднимаясь на второй этаж по скрипучей лестнице, которая грозила просто рассыпаться под моими ногами, я остановилась перед обитой дерматином дверью с номером пять. Дерматин пооблупился во многих местах, из-под него торчали клочки ваты, кнопки звонка не было.

Я достала из сумочки ключи и постучала по замочной скважине. Мне никто не открыл. С досадой я пнула дверь ногой, и тут только поняла, что она не заперта. Я потянула на себя ручку и просунула голову в коридор. Там было очень темно.

Тут раздался страшный грохот, я почувствовала, как что-то скользкое и тяжелое свалилось мне на голову, чуть не свернув при этом шею. От неожиданности я присела, потом, поняв, что больше ничего не гремит и не падает, потянулась к сумочке за спичками. Когда я зажгла одну из них, то чуть не заорала от ужаса: передо мной в луже крови лежало чье-то тело. Мои руки, блузка, брюки все были запачканы липкой красной жидкостью. Большого кошмара трудно было себе представить.

С трудом заставив себя подняться с пола, я, пошатываясь, прошла к стене и стала нащупывать выключатель. Свет

вспыхнул неожиданно для меня. При нем увиденная мной картина была еще более ужасна. Казалось, что я попала на съемку фильма ужасов.

Лицо девушки, лежащей на полу, было расплосковано так, что было трудно определить его черты. Никаких сомнений в том, что он мертва, ее внешний вид не вызывал. Одежда на ней была порвана и вся пропиталась кровью, так же, как и длинные светлые волосы. Создавалось впечатление, что здесь поорудовал какой-то маньяк.

Стараясь не потерять рассудок, я огляделась в поисках телефона. Его, конечно, не было и быть не могло в подобной квартире.

Я пошла в коридор, думая, что найду телефон на улице, но вовремя опомнилась, посмотрев на себя. Да уж, вид у меня был, как у человека, только что разделавшего тушу. Руки в буквальном смысле были по локоть в крови. Возможно, что и лицо было перепачкано: мне совершенно не хотелось лезть в сумочку за зеркалом и смотреть на себя.

Остановившись в коридоре, я в растерянности размышляла, как же мне быть. В этот момент распахнулась дверь квартиры рядом с пятой. Оттуда вышла пожилая полная женщина с химической завивкой на рыжих волосах.

Увидев меня, она раскрыла рот и издала какой-то протяжный вой.

– Успокойтесь, – кинулась я к ней, но она тут же отпрянула, закрываясь большой хозяйственной сумкой, и буквально

заголосила.

Сразу же из своих дверей повысовывались соседи, всполошенные ее криком.

– Успокойтесь, – пытаюсь перекрычать женщину, что с трудом мне удавалось, объясняла я. – И вызовите, пожалуйста, милицию. Дело в том, что в пятой квартире труп. Я его обнаружила, поэтому и перепачкалась в крови.

Все смотрели на меня с испугом, к которому теперь приешалось еще и любопытство.

Наконец одна из женщин вышла из своей квартиры и сказала:

– Ну что, милицию все равно звать нужно, схожу я позво-
ню.

Она зашлепала ногами в тапочках на босу ногу по лестнице вниз. Я вздохнула и полезла в сумочку за сигаретами. К этому времени кровь на моих руках уже высохла и стянула их. С жадностью затягиваясь, я выпускала дым и тут же делала следующую затяжку. При этом я заметила, что пальцы мои дрожали.

А у вас бы не дрожали, доведись вам пережить подобное?

Вскоре вернулась женщина и сообщила, что милиция скоро приедет. Все как-то сразу облегченно вздохнули и засуетились.

– А кого убили-то? – подала голос женщина, которая первой наткнулась на меня.

– Не знаю, – тихо ответила я. – Девушку какую-то. Волосы

светлые...

– Так это Ирку, наверное, – вступила другая. – Говорила я ей, не доведут тебя делишки твои до добра!

Я была настолько оглушена происшедшим, что у меня даже не было сил поинтересоваться, что понимает женщина под Ириными «делишками».

– Да хахаль ее и пристукнул, наверное. Обкурились оба или обкололись, вот он и прибил ее! Оба разбойники!

Под хахалем-разбойником понимался, видимо, Сережа. Но я знала, что он еще позавчера был мертв, поэтому совершенно точно не мог убить Иру. Да и Ира ли это вообще? Еще неизвестно.

В голове была такая каша, что хотелось сжать ее покрепче, чтобы хоть как-то прояснить мозги. И очень хотелось на свежий воздух, но выходить в окровавленном виде на улицу я не решалась. Вот милиция приедет, тогда и разберемся.

Милиция приехала на удивление скоро. Жоры Овсянникова не было, что меня немного расстроило. С Жорой все-таки легче было бы объясняться. С другой стороны, присутствие незнакомых людей заставит меня держать себя в руках и не позволит расслабляться. Сейчас нужно максимально четко описать, как все произошло.

Ко мне подошел высокий, довольно молодой человек в форме капитана и представился Стрижниковым Константином Алексеевичем. Он попросил меня назвать свое имя, адрес и другие анкетные данные.

– Снегирева Полина Андреевна, – машинально отвечала я. – Жена старшего следователя УВД Тарасова Георгия Овсянникова, – при этом я достала из сумочки водительское удостоверение – единственный документ, который у меня был при себе в данный момент.

Капитан с интересом посмотрел на меня. Я не стала говорить, что майор Овсянников на самом деле мне больше мужем не является. Думаю, что Жора в данном случае не стал бы возмущаться моей ложью.

– А как вы сюда попали? – удивленно спросил он.

– Константин Алексеевич, – устало проговорила я, – если вы не возражаете, то нельзя ли мне привести себя в более-менее приличный вид? А потом я готова ответить на любой ваш вопрос.

– Да-да, конечно, – с готовностью ответил Константин Алексеевич. – Только не в этой квартире, – он кивнул на пятую. – Там сейчас идет осмотр места происшествия.

Он повернулся к соседям, застывшим в дверях квартир с высунутыми лицами.

– Кто-нибудь из вас не мог бы предоставить Полине Андреевне возможность умыться? – спросил он.

Сразу же нашлось несколько желающих, убедившихся, что Константин Алексеевич настроен ко мне весьма дружелюбно. Одна из женщин, настроенная решительнее всех, сильнее распахнула дверь своей квартиры и пригласила меня к себе.

Она провела меня в ванную, где я наконец смогла посмотреть на себя в зеркало. Лучше бы я этого не делала.

На меня смотрело какое-то чудовище, не имеющее ничего общего с моим реальным обликом. На правой щеке багровели четыре красные полосы, видимо, я провела по ней пальцами. Волосы на лбу слиплись в красноватые сосульки. Очевидно, они запачкались, когда девушка упала на меня.

Вспомнив этот момент, я содрогнулась. Противные мурашки пронеслись по всему телу. Ужасно! Хотя я человек не особо впечатлительный и вообще достаточно сильный морально, боюсь, что представленная сегодня моему взору картина будет долго преследовать меня по ночам. Нужно будет Ольгу, что ли, попросить провести со мной какой-нибудь сеанс...

Тьфу ты! Вот уж никогда не думала, что обращусь к Ольге с подобной просьбой. К тому же мы с ней вроде как не разговариваем...

Размышляя об этом, я отмыла лицо, кое-как постаралась отскрести волосы и даже застирала воротник и рукава блузки. Конечно, блузка не отстиралась, и на ней остались бурые пятна, ну да и черт с ними, дома замочу с отбеливателем. Главное, что я хоть не вызываю ужас своим видом.

Выйдя в коридор, я поблагодарила хозяйку квартиры за любезно предоставленную мне ванную и пошла к Константину Алексеевичу, который ждал меня в машине на улице.

— Ну вот, Полина Андреевна, теперь вы более-менее успо-

коились, поехали к нам. Я хотя бы кофе вас напою, – проговорил он, слегка улыбаясь.

– У меня своя машина, – ответила я.

Константин Алексеевич с удивлением посмотрел на меня.

– Вы хотите вести машину в таком состоянии? Полина Андреевна, это неразумно.

– НЕ беспокойтесь за меня, я всегда сосредоточена, что бы у меня ни случилось, – заверила я его.

– Что ж, вы мужественная женщина, вам даже позавидовать можно, – произнес он с нотками уважения в голосе.

– Я поеду впереди, – сказала я и добавила, усмехнувшись, – чтобы вы не подумали, что я собираюсь от вас сбежать.

– Что вы, что вы! – замахал руками капитан Стрижников. – Я даже и не думал так! Вас никто ни в чем не подозревает!

Я только вздохнула и пошла к машине. Дойдя до нее, я повернулась к капитану и попросила:

– Константин Алексеевич, не могли бы вы вызвать майора Овсянникова? Мне бы хотелось с ним посоветоваться.

– Я попробую с ним связаться, – ответил капитан. – Но не знаю, сможет ли он найти время. Хотя раз дело касается его жены...

– Он приедет, можете не сомневаться, – ответила я.

Но Жора не приехал. Не потому, что ему было наплевать на судьбу своей пусть бывшей жены, а просто его не было на

месте. Пришлось мне общаться со Стрижниковым наедине.

В отделении, куда мы приехали, обстановка была примерно такая же: как и на работе у Жоры Овсянникова.

«Все эти конторы одинаковы», – подумала я, садясь на жесткий стул в кабинете Стрижникова.

Я честно рассказала капитану о том, как все было. Глаза его все больше прищуривались.

– Так значит, Сергей Суровцев умер у вас дома? – переспросил он.

– Да, – со вздохом ответила я.

– А скажите, Полина Андреевна, зачем вам вообще понадобилось ехать к этой Ире? Кстати, это именно ее труп мы нашли. Соседи ее опознали, несмотря на то, что лицо было сильно изуродовано.

– Я сама не знаю, – помолчав, призналась я. – Я и Жоре так сказала, можете спросить у него. Просто я чувствовала свою вину, пусть и косвенную, понимаете?

Не знаю уж, понимал меня Стрижников или нет, но он кивнул.

– Люди, которые не раз убивали человека, возможно, не поймут меня. Они наверняка не так остро это воспринимают, но я столкнулась с подобным случаем в первый раз... И надеюсь, что в последний, – передернулась я. – Когда Жора сказал, что я не виновата в смерти парня, я немного успокоилась, но все равно чувствовала, что должна что-то сделать для этой семьи. И я пошла к его матери просто поговорить.

Она рассказала мне пор Иру. И я решила уж для очистки совести поговорить еще и с Ирой. Это я делала все скорее для себя, понимаете? Ну чтобы потом не мучиться угрызениями совести. Я думала, что поговорю с Ирой, дам ей и Валентине Александровне денег, и на этом все закончится. Но приехав к Ире, нашла там ее труп... Да еще как нашла... – вспомнив о том, как на меня упало скользкое тело, я почувствовала подкатывающую к горлу тошноту. Это было настолько отвратительно, что я потянулась к стоящему на столе графину с водой. Стрижников услужливо пододвинул мне стакан.

Вода была теплая и довольно противная на вкус, но все-таки она помогла мне справиться с тошнотой.

– Вот, собственно, и все... – подвела я итог. – Подъехала я около часа дня. Девушка была уже мертва. Осталось узнать результаты экспертизы, которые установят время смерти, сопоставить все факты. Расспросить соседей, не видели ли они, кто приходил к Ире до меня.

– Вы, я смотрю, разговариваете как сотрудник милиции, – с некоторым удивлением произнес Константин Алексеевич. – Так часто разговариваете с мужем о его профессиональных делах?

– Скорее, это и мои профессиональные дела, – улыбнулась я. – Если бы вы знали, сколько мне приходилось таких дел расследовать...

– Вы частный детектив? – изумлению Стрижникова не было предела.

– Нет-нет, – поспешила я разуверить его. – Это громко сказано. Но иногда мы с моей сестрой беремся за разного рода расследования. Иногда к этому вынуждают обстоятельства, порой люди обещают заплатить нам, зная о нашем опыте... Так что эта история для меня не первая. Но все равно очень неприятно. Когда на тебя падает труп, это...

– Я понимаю, понимаю, – поспешно проговорил Стрижников. – Ну что ж, Полина Андреевна, я думаю, что могу вас пока отпустить. Я понимаю, что вы ни в чем не виноваты... – он как-то прищурившись посмотрел на меня, – но прошу вас никуда не уезжать из города.

– Вы не верите мне? – прямо спросила я.

– Нет, просто вы можете нам понадобиться, – глядя куда-то в сторону, ответил он.

Все ясно. Может, он и не подозревает меня, конечно, но сомнение в моей честности у него, безусловно, есть. Так, Полина Андреевна. Теперь вам предстоит еще доказывать, что вы не верблюд. И главное, вам за это никто ничего не заплатит.

Я, честно признаться, больше люблю работать за деньги. Нет, я никогда не откажу в помощи, если речь идет о близком мне человеке и для друзей провожу расследования бесплатно. А в данном случае дело касалось самого близкого мне человека – меня самой. И, похоже, придется защищать свое честное имя. Конечно, никто меня пока не обвиняет, но я очень не люблю, когда на меня смотрят с недоверием. Жора,

конечно, будет очень возражать. Ну и черт с ним! Столько раз я шла против Жориной воли, что разом больше – разом меньше, значения уже давно не имеет.

Выйдя на улицу, я села в свой «Ниссан» и закурила. Нет, расследование начинать сегодня я не буду. У меня просто нет сил. Сейчас домой, холодный душ и спать. А вот завтра...

Кстати, не мешало бы позвонить на работу и взять на пару дней отгул. Во-первых, в себя прийти, во-вторых, попытаться выяснить, кто убил Иру Торбочкину. Наверняка это будет несложно сделать.

Я почти не сомневалась, что Иру убил какой-нибудь такой же наркоман, один из ее так называемых друзей. Об этом говорил и характер совершения преступления: разве нормальный человек проявил бы себя таким садистом? Скорее всего, просто пырнул бы ножом и все. А тут уж больно зверски он ее исполосовал. Или настолько сильно ненавидел? Ладно, разберемся.

Я пульнула окурок в окно и завела машину. По дороге не стала даже останавливаться у магазина, чтобы купить продукты, понимая, что есть сегодня вряд ли захочу.

Дома я приняла душ и собиралась было уже лечь спать, как зазвонил телефон. Звонил Жора Овсянников, которому уже доложили об очередной неприятности, свалившейся на его жену.

Овсянников был страшно зол, потому что орал на меня в трубку. Он даже не представился и не поздоровался.

– Что ты делаешь, Полина? – кричал он. – Разве я не предупреждал тебя, чтобы ты не лезла не в свое дело? Что ничего хорошего тебе это не принесет? Что пора бросить все эти детские игры в пинкертона и спокойно заниматься своей работой! Господи, Полина, ведь ты же умная женщина! У тебя прекрасная, высокооплачиваемая работа – чего тебе еще надо? Ну ладно Ольга, та вечный ребенок, но ты-то чего ввязываешься в эту грязь?

Я спокойно слушала все это, даже не пытаюсь возражать Овсянникову. Да, на этот раз он оказался прав. Я влезла не в свое дело и теперь расплачиваюсь. Все верно.

– Да, Жора, – спокойно ответила я. – Я с тобой полностью согласна. Я сама нашла проблемы на свою голову.

Овсянников так поразился моим спокойным тоном, что даже резко замолчал. Он ожидал, что я, как всегда, начну кричать в ответ, защищая себя, говорить, что я живу так, как хочу и что он мне не указ, и пусть оставит меня в покое и все такое, но вот моего спокойного равнодушия он явно не ожидал.

Помолчав несколько секунд, Жора осторожно спросил:

– Полина, с тобой все в порядке?

– Да, Жора, – ответила я.

Но Овсянников не поверил, потому что тут же сказал:

– Я скоро приеду к тебе, жди, – и повесил трубку.

Я в свою очередь тоже положила трубку на рычаг и со вздохом откинулась в кресле. Спать мне расхотелось. Необ-

ходимо было наметить планы на завтрашний день. Позвонив в спорткомплекс, я отпросилась на всякий случай на три дня, потом включила негромкую музыку, которая всегда действовала на меня самым лучшим образом и стала размышлять.

Размышления мои прервал звонок в дверь. Я открыла и увидела майора Овсянникова собственной персоной.

– Жора, если ты пришел трепать мне нервы объяснениями, какая я дура, то я хочу сразу же тебе заявить, что не намерена ничего выслушивать. Я все знаю сама, – решительно пресекла я все возможные нападки со стороны бывшего мужа прямо на пороге.

– Нет-нет, Поля, что ты! – тут же уверил меня Жора. – Я немного погорячился, ты прости меня. Я понимаю, каково тебе, и приехал для того, чтобы тебе помочь.

– В таком случае проходи, – улыбнулась я, пропуская Жору в комнату.

Овсянников разулся и пройдя сел в кресло.

– В общем, так, – начал он. – Я наехал на экспертов, чтобы они как модно скорее доложили о результатах. Короче, смерть Иры наступила около двенадцати дня.

– Я в это время была у Валентины Александровна Суровой, – сообщила я, закрывая глаза и массируя веки пальцами.

– Отлично, отлично, – обрадовался Овсянников. – Тебя, конечно, никто не обвиняет, но все же иметь алиби – это очень хорошо.

– Жора, не объясняй мне прописные истины, – поморщилась я.

– Конечно, конечно. Просто я хочу, чтобы ты осознала свое положение. Я постоянно буду в курсе всех дел, всех новых обстоятельств, и думаю, что тебе ничего не грозит. Но я бы очень хотел тебя попросить, Поля... – Овсянников пододвинулся поближе, взял меня за руку и сказал, серьезно глядя мне прямо в глаза, – я хотел бы тебя попросить не ввязываться больше ни во что. Я сам разберусь.

– Жора, ты же знаешь, что я не смогу усидеть на месте... – тихо проговорила я в ответ.

– Полина! Я знаю, что ты баба работающая, – перешел Жора на другой тон. – И не можешь сидеть сложа руки. Но иногда у меня создается впечатление, что тебе все равно, что делать, лишь бы что-то делать. Это неразумно. Я обещаю, что все проконтролирую. Расследование, я имею в виду.

– Я не сомневаюсь, Жора, но позволь мне тоже участвовать.

– Даже если я не позволю, ты же все равно не послушаешься, – вздохнул Овсянников. – Я же тебя знаю! Поэтому я и не приказываю, а просто прошу! Прошу, пойми ты меня, как человека прошу!

Я внезапно прониклась Жориными словами. Он смотрел на меня умоляюще, и я поняла, что он действительно сильно тревожится за меня.

– Ладно, Жора, – согласилась вдруг я. – Пока я уступаю

тебе. Но посмотрим, что будет дальше.

– И на этом спасибо, – облегченно вздохнул овсянников, не ожидавший от меня такого великодушия. Потом посмотрел на меня и вкрадчиво спросил:

– Я останусь у тебя сегодня?

– Да оставайся! – махнула я рукой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

(ОЛЬГА)

Вся жизнь летит к чертям! Это совершенно очевидно. Просто на глазах рушится все, все, абсолютно все!

Так думала я, в отчаянии ходя по своей квартире взад-вперед. Ну а что еще оставалось думать после всех чудовищных катастроф, свалившихся на мою голову за один день?

Началось с того, что с утра у меня порвался ремешок у сумочки. Ремешочек давно уже держался на честном слове, и его следовало починить, пока не поздно, но у меня все как-то руки не доходили. И надо же было ему оборваться в самый неподходящий момент, когда я выбегала из дома, спеша по важному делу. И не возвращаться же мне было из-за этого домой?

Я быстренько намотала ремешочек на руку. Можно было, конечно, оставить сумочку дома, но она же мне очень нужна – в ней у меня хранятся ключи от квартиры. И потом, какая же дама без сумочки? Я решительно побежала по лестнице вниз. И тут ощутила какой-то дискомфорт.

Подозревая недоброе, я нагнулась... Так и есть! Разошлась молния на ботинке! Сверху ее удерживал замочек, но середина-то была распахнута, обнажая, кстати сказать, дырку на носке. Ну и что, что дырка, я видела ее прекрасно, ко-

гда обувалась, но решила, что в ботинке ее никто не заметит, значит, нет никакого смысла терять время на такое бесполезное занятие, как штопка носков. Кто же мог знать, что ботинок так коварно предаст меня?

А собиралась я, надо сказать, устраиваться на работу. Вообще-то я работаю на дому – я психолог, принимаю клиентов. Кроме того, могу что-нибудь перепечатать на заказ – у меня дома стоит старенький компьютер.

Раньше я работала на государственном предприятии, и в целом работа меня устраивала, за исключением некоторых моментов. Ну во-первых, приходилось очень рано вставать – аж в восемь утра, потому что на работе нужно было быть ровно в девять. Но я научилась перехитрить всех – поняв, что можно не завтракать и не умываться, я вставала в половине девятого, быстро одевалась и мчалась на остановку. В итоге на работу приходила ну... почти без опозданий.

Во-вторых, что ни говори, а нужно было приводить себя хоть в какой-то божеский вид. Ладно, без макияжа можно было и обойтись, но от одевания никуда не денешься. Не пойдешь же на работу в любимом старом халатике, протершемся до дыр? К тому же и над волосами приходилось потрудиться.

В-третьих, нужно было отсиживать там «от звонка до звонка».

В общем, эти моменты меня сильно напрягали. А вот мою сестру Полину не устраивало совсем другое. Ну, был в мо-

ей работе такой недостаток – за нее очень мало платили, а главное, редко.

Полине надоело смотреть, как я хожу на работу из чистого энтузиазма, и она очень плотно на меня надела. Я сперва испугалась, потому что сложно же вот так решиться на столь кардинальный шаг! Все-таки это была постоянная работа...

Но, посидев полгода без денег, я поддалась на уговоры Полины и до недавнего времени не жалела об этом. С клиентами был относительный порядок, Кирилл, бывший муж, исправно платил алименты на двух наших детей, да и Полина периодически подкидывала сотню-другую, так что жилось мне неплохо.

Но с недавних пор меня что-то начала преследовать полоса неудач. Не знаю даже, почему так получилось? Во всяком случае, моей вины тут нет никакой.

Началось с того, что мои сумасшедшие дети, Артур с Лизонькой, без моего разрешения, когда я всего лишь на минуточку выскочила в магазин за бутылкой лекарства... То есть... Ну в общем, неважно, зачем, стащили с моего стола перепечатанные работы, которые мне заказали клиенты.

Конечно, играли они в них, не заботясь о сохранении внешнего вида – никак не пойму, в кого мои дети такие неаккуратные! Короче, когда я вернулась, то с ужасом увидела, что листы безбожно измяты. Ахнув, я стала собирать их одной рукой, при этом схватившись за сердце другой и крича на детей, что они скоро доведут меня до инфаркта.

Собрать-то я их собрала, но в каком виде... Почти все листы оказались измятыми. Клиенты должны были прийти через час.

Моля бога о том, чтобы их что-нибудь задержало в пути и желательно на неделю, я схватила утюг и лихорадочно принялась листы разглаживать. Это плохо мне удавалось, и я решила смочить их водой.

Но от перенесенного потрясения я была во взвинченном состоянии и плеснула воды слишком много. Листы сморщились еще сильнее, пропитавшись влагой насквозь.

Тогда, все еще лелея надежду спасти их, я кинулась на балкон и разложила испорченные дважды листы на полу, чтобы их обдуло ветерком.

Сама я еле дошла до кухни, чтобы принять лекарства. Вермут оказался очень даже ничего, и я постепенно уже начала успокаиваться, решив, что ничего страшного, в сущности, не произошло. Вот сейчас листки подсохнут, я их аккуратно разглажу, отдам клиентам, получу деньги... И все будет хорошо, все хорошо, все хо-ро-шо...

Так я думала, покачиваясь на стуле, пока в открытую форточку не ворвался порыв ветра. От неожиданности я слишком сильно качнулась на стуле, он перевернулся, и я, ломая ногти о крышку стола, за которую инстинктивно ухватилась, полетела на пол, теряя очки.

Пока я поднималась, потирая ушибленные бока, отшвыривая подлый стул, закрывая форточку и надевая очки, то

обратила внимание, что ветер еще усилился. И откуда он налетел так внезапно?

На всякий случай я сразу же побежала на балкон. Ну может быть, задержалась на секундочку, приняв еще пару капель вермута. Но когда я вышла на балкон, то мне в ту же секунду захотелось просто спрыгнуть с него вниз.

Толстый слой листов, ровненько разложенных мною на полу, значительно похудел. В воздухе кружились белые прямоугольнички, напоминая большие бумажные самолетики. Ахнув, я принялась ловить их, но было уже поздно: налетевший новый порыв ветра окончательно сдул с моего балкона последние страницы распечатки.

Держась за сердце, я сползла вниз по стене и опустилась на пол. Он был не совсем чистый – когда мне его мыть прикажете, если творческой работы полно? – но мне в данный момент было на это наплевать.

В балконную дверь просунулись шkodливые рожицы детей, наивно вопросивших, что случилось? Мой крик сдул их с балкона похлеще, чем ветер бумажные листки, и дети посчитали за лучшее скрыться в своей комнате и заняться тихими играми.

А я сидела, закрыв голову руками. и жить мне не хотелось. В дверь отчаянно звонили. Выпрямившись, я поплелась в коридор и открыла дверь. Конечно же, там стояли клиенты – молодая пара, муж с женой, занимающиеся совместным бизнесом, которые предупредили меня неделю назад, что запла-

тят очень хорошо, но напечатанные документы нужны им к сегодняшнему дню, не позже. И ведь я честно выполнила их заказ! Господи, как же теперь объясняться?! И, как назло, жвачку забыла в рот сунуть, а от меня, наверное, вермутом пахнет, ой, как неудобно, вообразят обо мне бог знает что!

– Ольга Андреевна, готовы документы? – приветливо улыбаясь, спросила женщина.

– Да... – промямлила я. – То есть нет... Вернее, они были готовы, но тут, понимаете, у меня дети маленькие, я только на минутку... Вот. А тут еще ветер. Вы обратили внимание, как он внезапно поднялся? Ведь это же черт знает что! И синоптики не могли предупредить заранее!

Я бормотала это все лишь бы что-нибудь сказать. У пары вытянулись лица.

– Простите, что вы говорите? – поинтересовалась женщина.

– Ольга Андреевна, документы готовы? – резко спросил ее муж.

Я молчала.

– Ольга Андреевна, вы что-то о ветре говорили? – вмешалась его жена, будучи настроена более лояльно.

– Да что ты ее слушаешь! – рявкнул вдруг мужчина. – Она же на ногах еле стоит! Связались с алкоголичкой! Короче – документы готовы или нет?

Я бессильно покачала головой, потом пожала плечами и виновато улыбнулась.

Мужчина обрушил на меня поток брани и, схватив за руку жену, потянул ее вниз по лестнице. Из его речи, доносившейся снизу, я уловила, что больше он не то что не закажет мне ни одной странички, но и позаботится о том, чтобы никто в Тарасове этого не делал.

При каждом его слове я вздрагивала, пока шаги их не стихли и слова покинули пределы досягаемости моих ушей, потом сообразила, что ничто не мешает мне, собственно, захлопнуть дверь, чтобы не слышать этого хамства.

Наконец я закрыла дверь и вернулась в кухню.

Ну и черт с ними! – думала я, сокрушенно попивая вермут прямо из бутылки – не до приличий мне уже было. К тому же, кто меня видит? Подумаешь, какие нашлись крутые! Видали мы таких! Еще клиенты будут.

Но клиентов почему-то не было. Полина объяснила мне, что лето, пора отпусков, сессии у студентов закончились, так что нужно просто подождать до сентября, но у меня на душе кошки скребли.

Следующей неприятностью было то, что мой муж Кирилл, с которым мы снова наладили было отношения, переехав ко мне, торжественно объявил, что собирается обновить мебель в квартире и уже приготовил деньги. Сумма была очень внушительная, можно было обойтись и меньшей, но...

– Я хотел вложить их в дачу, – проникновенно говорил Кирилл, сидя со мной за столиком ресторана и потягивая джин-тоник, – но решил, что обустройство нашего быта го-

раздо важнее, правда, дорогая?

Я согласно кивала, поглощенная вкусным напитком. В конце концов, Кирилл бизнесмен, к тому же дела его в последнее время идут очень неплохо, а мебель поменять и в самом деле стоит.

Кроме того, Кирилл в знак примирения подарил мне новое кольцо, и мне стало казаться, что все будет отлично. Про скандальных клиентов и отсутствие новых я и думать забыла.

Но через пару дней – Кирилл как раз уехал в командировку – ко мне обратилась одна моя знакомая с просьбой одолжить мне денег. Ей срочно нужно было ложиться на операцию в больницу. Я не задумываясь дала ей оставленную Кириллом пачку. Не могла же я бросить в беде нуждающегося человека! Тем более что она обещала вернуть деньги сразу же, как только появится возможность...

Однако Кирилл, вернувшись домой и не найдя денег, почему-то счел по-другому...

Я даже не хочу описывать и повторять все оскорбления, которые неблагодарный бывший муж выплеснул на меня. Одно скажу – так меня давно никто не оскорблял, даже Полина. Кирилл кричал, что только такая идиотка, как я, могла дать столь крупную сумму постороннему человеку, даже не взяв с него расписки. Мне Кирилл не дал сказать ни слова в свое оправдание. Какое вероломство!

В конце концов Кирилл обозвал меня напоследок душой и ушел, громко хлопнув дверью и добавив при этом, что боль-

ше я не получу от него ни копейки, пока не верну все деньги. Я сидела как оглушенная, обиженная до глубины души, оскорбленная в лучших чувствах. Как так можно – оставить меня без денег в такой критический момент?

Правда, я утешала себя мыслью, что у меня есть подаренное Кириллом кольцо, и его вполне можно заложить до лучших времен, а потом выкупить, но каково же было мое разочарование, когда я обнаружила, что Кирилл коварным образом забрал кольцо! Нет, кто же так делает? Забирать собственные подарки?!

Но самое неприятное в этой истории было, конечно, то, что в ней Полина встала на сторону Кирилла – Полина, сестра-близняшка, самый родной и близкий с детства человек!

Кирилл, ясное дело, в первую очередь поехал к ней и все рассказал. Причем меня представил в самом неприглядном виде, намекнув на то, что меня пора сдать на лечение от алкоголизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.